

О.Л. КАБАЧЕК,
заведующая отделом социально-психологических проблем
детского чтения РГДБ

Нравственный аспект художественной литературы: библиотерапия и антибиблиотерапия

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. «ШБ» № 1, 2004)

3. ПОСТПОСТМОДЕРНИСТ- СКАЯ (НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ) БИБЛИОТЕРАПИЯ

У В.Пелевина в романе «Generation «П» чудный новый мир станет следствием появления нового “поколения праведников” /20;297/ — группы избранных: их тридцать — по числу частей мифической птицы-царя Семурга. (Сравним с любимой идеей М.Павича о смене поколений “сильных отцов” и “слабых детей” и наоборот /19/.) У Пелевина тоже сопоставляются два поколения: отцы — бездуховные потребители, предавшие идею Вечности, дети — духовны.

Все же это не совсем возрастное! Ибо главный герой (и сам автор) по возрасту попал в поколение “П”, не желает идентифицироваться с ним. Если поколение “П” приняло психологию новых русских — психологию потребления, то герой Пелевина, Татарский, думает, что сам он остался “старым” — не то, что другие: “А с другими — в том числе и с теми, кто учил Татарского держать равнение на вечность, — началось твориться что-то странное. ... Само пространство, куда были направлены эти взгляды... стало сворачиваться и исчезать... Вокруг замелькали совсем другие ландшафты.

Татарский пробовал бороться, делая вид, что ничего на самом деле не происходит. ...Тесно общаясь с людьми, которые тоже делали вид, что ничего не происходит, можно было на некоторое время в это поверить” /20;14/. Но вот “вечность исчезла, Татарский оказался в настоящем. ...Этот мир был очень странным. ...Никакой сущности у него теперь не было. Во всем царила страшная неопределенность.” /20;17/. “Положение современного человека не просто плачевно — оно, можно сказать, отсутствует, потому что человека почти нет” /20;107/.

Да, вот так: “...у человека не возникает даже возможности задать вопросом о своей настоящей природе. ... Самоидентификация возможна только через составление списка потребляемых продуктов, а трансформация — только через его изменение” /20;113/.

Главная ценность этого мира — деньги, они “и есть четвертое измерение”. “Человек думает, что потребляет он, а на самом деле огонь по-

требления сжигает его, давая ему скромные радости” /20;155/.

Литератор Татарский, попав в бизнес (масс-медиа), в отличие от своих сослуживцев пытается бороться с “заразой” потребления, находясь не просто внутри кухни пиара, но выступая ее идеологом. Татарский, в сущности, — маргинал. Он выбран в главные герои романа, вероятно, для того, чтобы вывести определенную группу читателей — новых русских и тех, кто ориентируется на их ценности, — прямоиком к духовности.

Насколько органичен сей путь?

Герой ищет источник мирового зла — “жирную надмирную тушку” /20;223/. И, представьте, находит: поколение “П” — и есть страшный вавилонский пес Хаоса, предвестник Конца света /20;297/. Сам-то уж Татарский считает, что себя не замарал, ведь пришел к власти случайно, вследствие интриг в организации, — относит себя к поколению “детей”, отрицающих бездуховность. Увы! — герой по определению не может быть «белым и пушистым»: он талантливо растлевал людей, прельстившись Мамоной, и вряд ли ему удастся возглавить «поколение праведников». Но автор романа этого как бы и не замечает. Финал книги оптимистичен: духовность легко сменяет бездуховность (как одно время года сменяет другое).

Хорошо, что в финале «Generation П» духовность становится массовой — как черта целого поколения. Но вот механизм смены ценностей довольно случаен — надоело (стало немодным) просто потреблять. Замена всемирного зла всемирным добром, победа над темными силами обесценивается здесь способом ее достижения: *разрыв с этической традицией воздаяния* превращает глубинную духовную трансформацию и мучительный порой путь самосовершенствования человека в пиар-акцию (буквально — в смену рекламных клипов).

Современная литература, несмотря на свои ужасающие гримасы и игривые гримаски, в глубине (как любая подлинная литература) ищет смысла жизни, то есть радеет о человеке. Она старательно привлекает символы и архетипы других культур — ради нахождения общечеловеческой парадигмы, некоей устрояющей модели... А отечественный читатель-

традиционалист тем временем любит Дарью Донцову. За что? А за «покорение Европы». Старушки Европы: в романах Донцовой Европа узнаваема по романам девятнадцатого и середины двадцатого веков и бесповоротно приручена. Парижский комиссар (чем не Мегрэ?), вышколенные и преданные слуги (прямо из старинной английской усадьбы) — все к услугам мадам Даши Васильевой, подруги миллионерши (подруги-приживалки, хочется уточнить, но миллионы почитательниц Донцовой возмущаются).

Но реальная нынешняя Западная Европа (как и весь мир в целом, как и Россия — часть мира) давно не такова. Книги Д.Донцовой, следовательно, — суррогат действительности, сладкая иллюзия? «Психотерапевтическая литература», — объясняет сам автор. Пустили Дуньку в Европу, Дунька Европе показала /8/. Униженное национальное чувство (у очень-очень многих) пришло в равновесие.

Ведь героиня Донцовой такая «крутая» и такая, до дрожи, узнаваемая. Коммунальность бытия (и мышления?): как бы общее имущество, вещи, досуг (работа и учеба где-то на периферии) — нравы «общезитской» юности. Политес — тоже оттуда: героиня повелевает людьми довольно бесцеремонно, и близкие ее — непременно «Маруськи», «Наташки», «Лельки». **Нахрапистость — главная добродетель современного человека?**

Повышение самооценки читателя достигается у Д.Донцовой за счет снижения культурного уровня героя.

Невелика потеря?

*

Культурная книга «Алхимик» П.Коэльо — не притча и не глубокое мистическое произведение (на что текст претендует, судя по авторскому предисловию и по рекламе в СМИ): все как-то слишком плоско и умственно. Спасает сказочная форма — получилась средней руки крепкая сказка. Введение от автора в чем-то саморазоблачительно: у Борхеса графоман долго объясняет, что он хотел написать. (Тут вспоминается старое хорошее правило: «Если можешь не писать — не пиши»). Но Коэльо не писать не может — он востребован миллионами. Публика жаждет духовности в доступной упаковке.

Коэльо очень старается. Но его герой слишком любит себя, а Алхимик — идеал автора — имеет наглость снисходительно хвалить О.Уальда. (А все из-за проклятого дидактизма — все надо читателям разжевать.)

Найти свое истинное призвание, свой Путь — призыв-заклинание многих книг и интервью Коэльо. Герой «Алхимика», видимо, планиду свою нашел: с помощью ведущих его старших и мудрых и клад в конце концов разыскал, и невесту подходящую углядел, и себя обрел.

Для настоящей философской притчи это, конечно, снижение. Ибо если тебе были нужны (и ты обрел) земные сокровища, то уже ни к чему духовные способности, а ежели нужны именно духовные богатства и ты их обрел — что значат теперь какие-то материальные блага? (Если вдруг они понадобятся, то при-

дут сами собой — «оттуда», без усилий просветленного праведника.) Но получить «три в одном флаконе» — по законам рекламы — предпочтительней.

Главное, получив все желанное, можно уже больше не «мучиться»: не искать, не философствовать, не мечтать, не меняться. (Герой-пастух вначале любил путешествовать, а теперь осел в оазисе со своим добром — и счастлив.) Вместо безостановочного процесса духовного развития П.Коэльо предлагает в «Алхимике» массовому читателю свершить разовый «рывок» в юности, когда «все возможно» /11;43/ и вкушать успокоение души на все оставшееся время. (Роль же философии и настоящей литературы — вечно тревожить дух!)

У другого рейтингового писателя — М.Павича («Последняя любовь в Константинополе») — герои, похоже, уподоблены насекомым: запрограммированы только на телесные удовольствия, а посему — предсказуемы. Единственный герой в этом романе смутно взыскует чего-то иного, духовного (он еще не вполне человек, но уже не похотливое животное). Слова Стендаля о «скуке развратников в Париже», так уместные при чтении романа П.Коэльо «Вероника решает умереть» /12/ (роботоподобная девушка Вероника пресытилась жизнью настолько, что решила ее покинуть, но потом влюбилась и воспряла; все это здорово, да написано больно уж натужно), приходят на ум в начале другого романа — «Ящик для письменных принадлежностей» М.Павича. Югославский писатель, в сущности, тоже ищет и показывает Путь от бездумного потребительства, гедонизма в обустроенном цивилизованном мире, сочетающегося с рационализмом (прагматизм западной жизни включает в себе обе ипостаси) к жизни подлинной, «простой» — нетехнотронной и пленительно непредсказуемой (жизнь как постоянное открытие чуда).

Но «простая» жизнь вне культурных традиций и духовных усилий, жизнь, подчиненная одному слову «хочу!», — тоже бесплодна. Герой дезертирует из действующей армии, отказывается от родного языка, продает отчий дом с семисотлетней историей, бросает любимую женщину, ожидающую от него ребенка, и уходит в никуда. Его гибель во время кораблекрушения кажется критику Д.Рамадански симптоматичной: «Пришло время прочистить и это тело — а чем же иным, как не мукой предательства, унижения и Голгофы, чтобы одухотворить его... прежде чем вернуться в первобытную допотопную похлебку... После слабости... пришла очередь силы, силы разбрасывания семян, великого животворного акта пратворения» /22;214/. Не маловато ли для Homo sapiensa?

Жизнь, показывает М.Павич, имеет высший, космический смысл, который человек должен еще открыть сам для себя. Проблема согласования индивидуального и общественного, биологического и социального, природного и культурного стоит перед каждым человеком: поиск смысла своего бытия опосредован этими антиномиями.

В отмеченном критиками романе «Арабские скакуны» Дмитрия Стахова герой-циник, смысл своей жизни полагающий в добывании материальных благ любой ценой, даже с помощью грязного бизнеса

(участие в организации нелегальной торговли оружием в другие страны), давно растерявший возвышенные чувства, переживает духовный кризис, в ходе коего обретает новый, высший смысл жизни — понимание и любовь к другому человеку (молодому проповеднику — незнакомому при жизни, но ставшему после своей трагической смерти духовно и духовно родным сорокалетнему герою). Переживания эти, как нам кажется, вполне бескорыстны, несмотря на то, что за убитым проповедником (за организованной им всемирной общиной) стоят миллиарды долларов, — ведь герой Д.Стахова уже обрел душевное богатство и покой.

Постмодернизм коснулся, однако, и этого романа: за исключением последней страницы, где очень талантливо показано духовное прозрение заблудшей души, читатель вынужден «глотать» на редкость пошлый текст (написанный как бы от лица героя-циника). Автор, психолог по образованию, видимо, предполагает, что важен лишь результат — катарсис читателя, но не сам процесс. (Клиент ведь согласен претерпеть унижения во время психотерапевтической сессии ради финального излечения.) Но не таковы отношения Автора и Адресата! **Уважение к читателю с первой до последней страницы — норма классической литературы.** Читатель не любит (и имеет полное на то право), когда его считают «плохим», — он не хочет идентифицироваться с «низменным» героем, возвращая того автору.

А чем в последние годы порадовал своих читателей скандально известный постмодернист Владимир Сорокин? Вполне приличным романом, как ни странно (прокуратура не нашла в нем порнографии). По случайному совпадению в романе «Лед» /25/ тоже показаны члены всемирной подпольной секты. Они одержимы целью поскорее воссоединиться и уничтожить все остальное человечество, погрязшее в грехах, фальши и бездушной суете (в этом и состоит смысл жизни сектантов на Земле, который открывается каждому из них другими членами братства после прохождения мучительного испытания).

«Слушай свое сердце» /11;177/, — призывает в романе «Алхимик» П.Козьмо. Похожий призыв у сорокинских сектантов. Высшая раса голубоглазых блондинов, одаренная умением «говорить сердцем» и числом ровно в двадцать три тысячи, должна спастись, улетев в другие миры, все прочие — присуждены к гибели.

«Проповедь фашизма!» — кричат некоторые читатели. Автор же предостерегает от отождествления собственной персоны с героями своих книг. (Финал книги многозначен, он трактуется читателями с противоположных позиций: то как торжество идей секты и гибель землян, то как их полный провал — и возвращение человечества к истинной, непосредственной, цельной жизни. Человек по природе своей добр и наивен, это-то и спасает мир от Зла — так хочется прочитать мысль автора.)

Интересно отметить не только антигуманные цели и средства описанной в романе секты, но и довольно распространенный в современной отечественной литературе феномен несамостоятельности

выбора человека (смысл жизни передается, навязывается индивидууму некоей группой, уже владеющей единой, общей для всех тайной смысла жизни, а не открывается каждой личностью для самой себя).

А вот сквозной герой романов ведущего японского писателя Харуки Мураками прямо признается, что его жизнь не имеет явного смысла, он лишь плывет по течению. Но как «красиво плывет»? Литературоведы отмечают умение героев Мураками выстроить свою жизнь как художественное произведение: «при любых, самых жестоких диссонансах сохраняя свой стиль игры» /10; 472/.

Другие критики называют этого героя, равно как и всех его почитателей, «лузерами» — неудачниками, жизнь которых состоит из одних потерь: «...дует на весь свет, капризничает и аутично забивается в угол» /18;299/; автор, как настойчиво пытаются нам внушить, «топчется на месте» /18;298/, он сам себя считает «таким же банальным лузером» /18;301/.

Очень старательно убеждает нас в этом критик М.Немцов — так же старательно, как отрицательный персонаж мистического романа «Охота на овец» (главный человек в теневом правительстве) пытался внушить нашему герою, что он посредственность. (Отрицательный герой оказался связан с inferнальными силами; с кем связан критик М.Немцов, — нам неизвестно, но страх перед свободной личностью у него похожий.)

Итак, этот положительный герой современной молодежи (и не только японской), погруженный в меланхолическую рефлексию, не декларирует высокий смысл своей жизни, но обладает искусством жить по законам красоты? (Его кодекс профессиональной этики изумляет: не требуя высоких гонимых, стремись к совершенству.) Он, как сказочный самурай, благороден, бескорыстен, добр, отважен и никогда не сгибается перед сильными мира сего — в отличие от внешне таких «крутых» персонажей отечественной литературы.

Мир суров и прекрасен, а иногда ужасен, говорит Х.Мураками, но человек может сам творить в нем добро и красоту. Человек свободен, и цена этому — постоянный мучительный труд души.

...Нет, есть и у нас положительные герои, сохраняющие себя наперекор трудностям окружающего мира! Например, Медея. Из повести «Медея и ее дети» известной писательницы Людмилы Улицкой /28/. Смысл жизни Медеи более чем благороден — ежеминутное служение другим людям, построение громадного кланового «гнезда». Все бы хорошо, если б не постоянное желание писательницы что-то кому-то доказать... Отсутствует самоирония — как будто и не было классики, модернизма, постмодернизма и постпостмодернизма.

Впрочем, постмодернизм как раз здесь присутствует: самый красивый вид семейного поместья праведницы Медеи открывается из... отхожего места. (Люди с нормальным, не «перевернутым» сознанием поставили бы на этом месте стол.) Житие Медеи преподносится со сниженной точки зрения — это любимая «точка сборки восприятий» (выражение К.Кастанеды) литератора Л.Улицкой. В эпоху пост-

модерна — очень востребовано... Не жите и не диалектика души, а статика «мыльной оперы»: бытовые подробности, за которыми ничего не стоит, кроме психологии (и психопатологии) обыденной жизни.

Кому-то приятно, а кому-то — не очень.

Но как показать более-менее объективно (не с точки зрения обывателя или эстета, кокетливо отрицающего классическую культуру) новый, сложный мир? Показать с гуманистических позиций, собрать этот неизвестный мир в новой убедительной художественной модели? Укротить стихию (то есть, на самом деле, собственное подсознание), преодолеть собственную и (или) общенациональную односторонность? (К.Г.Юнг и Х.Л.Борхес считали, что в этом последнем и состоит задача писателя /32/)

Ответ можно найти у другого лауреата — М.Вишневецкой.

Тираж книги «Опыты» /6/ — мал, но автор критиками замечен и отмечен. Автор талантливо аккумулирует большие вопросы и актуальные мотивы современной литературы — и решает их с нравственных позиции старой доброй классики. (И форма, будьте уверены, — современна.)

Национальный вопрос? Мучает память гетто (как в романе М.Романушко /23/)? Сделай сам шаг навстречу, попытайся простить... Сложно? Требуется труд души? С героями М.Вишневецкой все время хочется спорить — они живые и внутренне противоречивые и потому заставляют думать о жизни, что-то перебарывать в себе. Автор блестяще держит дистанцию — нет тут ни невроза, ни цинизма, ни морализаторства, ни наивного хамства... Есть литература.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Акунин Б.** Пелагия и красный петух. Роман в 2 т. Т./Б.Акунин. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 266 [6] с.
2. **Барт Р.** Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. С.Н.Зенкина. — М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. — С.384-391.
3. **Бахтин М.М.** Проблема автора // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — С.206-226.
4. **Бахтин М.М.** Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С.281-307.
5. **Бурно Е.М.** Терапия творческим самовыражением. — М.: Медицина, 1989. — 304 с.
6. **Вишневецкая М.** Опыты. О природе вещей: Повесть. Рассказы. — М.: Изд-во Эксмо, 2002. — 288 с.
7. **Делез Ж.** Критика и клиника / Пер. с фр. О.Е.Воченок и С.Л.Фокина. Послесл. И примеч. С.Л.Фокина. — СПб.: Machina, 2002. — 240 с.
8. **Донцова Д.** За всеми зайцами: Повесть. — М.: Изд-во Эксмо, 2002. — 320 с.
9. **Кабачек О.Л.** Сказка в век компьютера. — М.: Либерия, 2001. — 208 с.: ил.
10. **Коваленин Д.** Лучший способ потратить деньги, или Что делать в период острой джазовой недостаточности // Мураками Х. Охота на овец: Роман. /Пер. с яп. Д.Коваленина. — СПб.: Амфора, 2002. — 479 с.
11. **Коэльо П.** Алхимик / Пер. с порт. — К.: «София»; М.: ИД «Гелиос», 2003. — 232 с.
12. **Коэльо П.** Вероника решает умереть / Пер. с порт. — К.: «София»; М.: ИД «Гелиос», 2002. — 272 с.
13. **Левинская О.Л.** О терапевтах и философской традиции рассуждений in utramque // Mathesis. Из истории античной науки и философии. — М.: Наука, 1991. — С. 176-194.
14. **Леонтьев Д.А.** Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. Под ред. Д.А.Леонтьева, Е.С.Мазур, А.И.Сосланда. — М.: Смысл, 2001. — С. 100-109.
15. **Мамардашвили М.К.** Литературная критика как акт чтения // Вопросы философии. — 1984. — № 2. — С.98-102.
16. **Маньковская Н.Б.** Постмодернизм // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.2. — СПб.: Университетская

книга; ООО «Алетейя», 1998. — С.130-132.

17. **Морозов А.** Присутствие Фурмана // Фурман А.Э. Книга Фурмана: История одного присутствия. — М.: Генезис, 2002. — С.3-4.

18. **Немцов М.** Блюз простого человека. Послесловие // Мураками Х. Слушай песню ветра. Пинбол 1973: Романы / Пер. с яп. В.Смоленского. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — С. 274-302.

19. **Павич М.** Писать во имя отца, во имя сына или во имя духа братства? // Павич М. Ящик для письменных принадлежностей /Пер. с серб. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 173-193.

20. **Пелевин В.О.** Generation "П". Роман. — М.: Вагриус, 1999. — 302 с.

21. **Пропп В.Я.** Морфология сказки. — Изд. 2-е. — М.: Наука, 1969. — 168 с.

22. **Рамадански Д.** Гомологон человеческой души // Павич М. Ящик для письменных принадлежностей. /Пер. с серб. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 208-215.

23. **Романушко М.** Наши зимы и лета, весны и осени. Роман о детстве. — М.: «ГЕО-МТ», 2000. — 96 с.

24. **Руднев В.П.** Психоанализ и философия текста. Смысл как травма // [http // arctogaia. krasu.ru/ laboratory/rudnev /1.shtml-51 k.](http://arctogaia.krasu.ru/laboratory/rudnev/1.shtml-51)

25. **Сорокин В.** Лед: Роман. — М.: Ad Marginen. — 2002. — 317 с.

26. **Толстая Т.Н.** Кысь: Роман. — Переиздание. — М.: Подкова, 2002. — 320 с.

27. **Толстой Л.Н.** Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана. 1893-1894 // Толстой Л.Н. Пол. Собр. соч.: [В 90 т.] Т. 30. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. — С. 3-24.

28. **Улицкая Л.** Медея и ее дети. Повесть. — Улицкая Л.Е. Лялин дом. Повесть и рассказы. — М.: Вагриус, 2001. — С.7-246.

29. **Фурман А.Э.** Книга Фурмана: История одного присутствия. — М.: Генезис, 2002. — 672 с.

30. **Эрлихман В.** Мифу — миф. О Фаине Гримберг и не только о ней // Родина. — 2001. — № 4. — С. 14-16.

31. **Эрлихман В.** Муляж на фоне миража Исторические детективы Бориса Акунина // Родина. — 2001. — №10. — С.18-20.

32. **Юнг К.Г.** Феномен духа в искусстве и науке // Юнг К.Г. Собр. соч. в 19 т. Т. 15 /Пер. с нем. — М.: Ренессанс